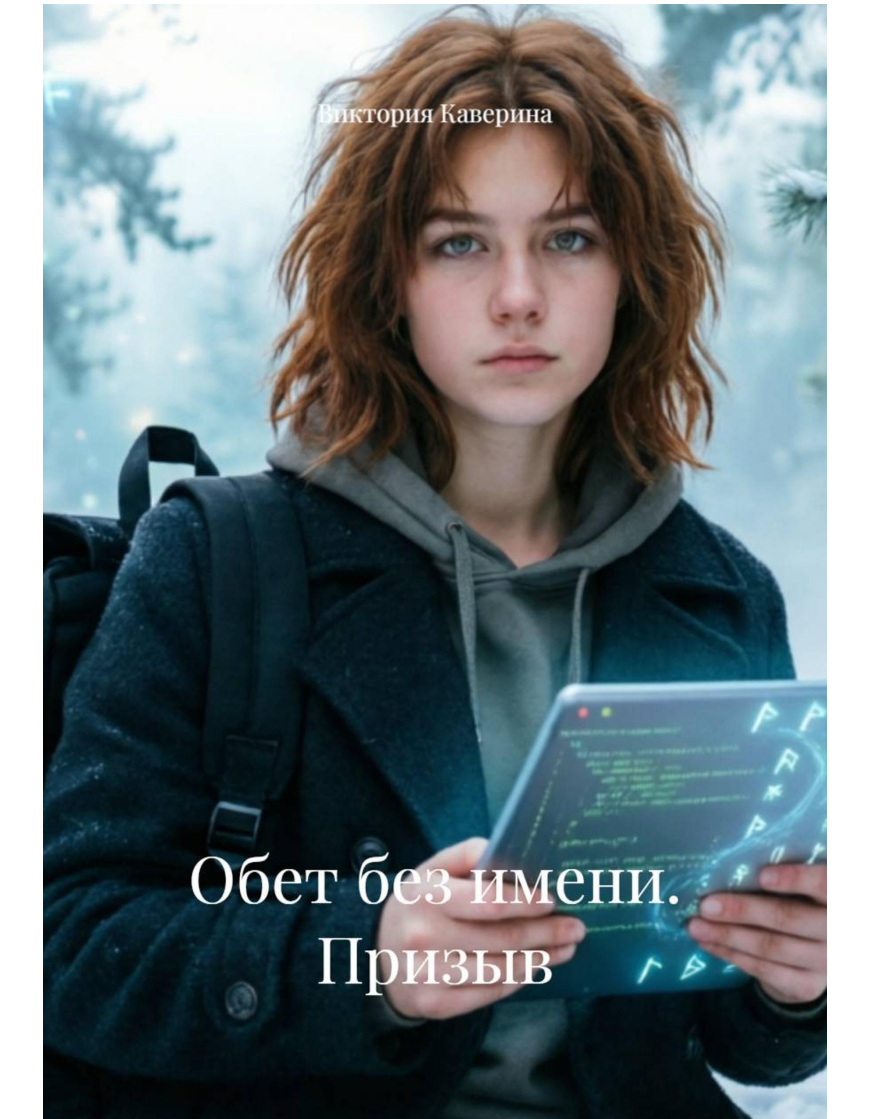

Виктория Каверина

Обет без имени. Призыв

Виктория Каверина

Обет без имени. Призыв

<https://litres.ru/73998186>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ника не верит в сказки. Она верит в логику, алгоритмы и чёткие правила. Но магия, в которую её втянули, работает как древний скрипт, зашитый в кровь. Рик — хранитель, активированный её наследием, — предлагает стать частью системы. Старший брат Эрик требует сохранить статус "только для чтения". А в тени уже шевелятся те, кто хочет взломать защиту и добраться до артефакта.

Это не история про спасение. Это техно-фольклорный триллер, где обереги — это узлы кода, а обет — жёсткий протокол выживания. Нику ждут ложные сигналы, погони по заснеженным улицам, сайт-головоломка и выбор: остаться в безопасном неведении или включить режим отладки, даже если цена ошибки — жизнь близких.

Сможет ли рациональный ум расшифровать древнюю магию связывания? И что на самом деле скрывается за фразой «всё в порядке»?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктория Каверина

Обет без имени. Призыв

Пролог

Конец мая в Сибири пах молодой листвой, прошлогодней хвоей, мокрой землёй и терпким соком, что сочился из над-резов на берёзах. Девушка лет двадцати шла босиком. Мох под стопами был холодным, упругим, словно кожа живого существа. Высокая, светлая коса тяжелела на спине. Льняная рубаха, подпоясанная шерстяным кушаком с вышивкой-оберегом, шуршала при каждом шаге. На плече посох, на конце которого подвязан пузатый глиняный кувшин, тяжёлый. Она останавливалась у каждого дерева, наклонялась за плошкой, переливала содержимое в кувшин, брала пригоршню земли, смешанной с прошлогодними листьями, и замазывала рану. «Бери только то, что отдаёт само», — шептала она.

Вдруг птицы замолкли, резко, словно кто-то перекрыл им глотки. В груди зашевелилась тревога. И тогда пришёл тяжёлый конский топот. Будто копыта били по голой кости леса. Из-за стволов, разрывая паутину света, вынеслись трое. Плащи, кольчуга, кожа, пахнувшая потом и ржавчиной, пояса с ножами, чьи лезвия не блестели — тускло впитывали свет. Десятники князя, что жгет богов в угоду упырю. Глаза

мужчин скользнули по ней: по рубахе, по косе, по кувшину. В их взглядах был животный интерес, как у хищника, что видит перед собой добычу. Девушка не дрогнула. Поставила кувшин. Провела босой ногой черту по мху, по корням, по камню. Линия замкнулась. Воздух внутри неё сгустился, стал плотнее, как вода в глубокой яме. — Кто переступит черту, того спалю заживо, — твердо, с угрозой сказала она.

Первый спрыгнул с седла, и его тяжёлые сапоги с глухим, влажным хрустом вонзились в мох. Он ухмыльнулся, обнажив гнилые, желтоватые зубы. В его глазах, тёмных и бездонных, как тлеющие угли в золе, плясала жадная уверенность. Остальные двое, не слезая с коней, переглянулись, подбадривая его ленивым кивком. Они не поверили в её угрозу. Для них она была лишь лёгкой, заблудившейся добычей, чья магия — не больше деревенских байек.

Девушка не дрогнула. Она медленно, размеренно выдохнула, и этот выдох стал не просто воздухом, а командой.

Земля отозвалась мгновенно. Глухой, вибрирующий гул прошёл сквозь подошвы её босых ног, поднимаясь из самых глубин. Из-под её пяток, из сухой листвы и прелой земли потянулись невидимые прежде нити жара. Они сплетались в воздухе, смыкаясь в плотный, раскалённый узор.

В следующее мгновение пламя взвилось сплошным, ослепительно-рыжим кольцом. Оно не просто горело — оно лизнуло воздух с хищным шипением, мгновенно выжигая кислород. На окружающих стволах заметались гигантские, лом-

кие тени, похожие на корчащихся демонов. Воздух сгустился, наполнившись едким запахом гари, озона и сладковатым, тошнотворным ароматом палёных волос. Волна жара ударила в лицо, мгновенно иссушая слизистые, заставляя глаза слезиться, а кожу — болезненно стягиваться.

Лошади, почуяв неладное, взвились на дыбы, издавая пронзительное, полное первобытного ужаса ржание. Они били передними копытами по воздуху, пытаясь вырваться из узды, ослеплённые светом и запахом.

Десятники закричали. Это был не боевой клич, а визг загнанных зверей, внезапно понявших, что сами стали добычей. Они в панике закрыли обожжённые лица ладонями. Забыв о приказе и о добыче, в исступлении взгромоздились на взбесившихся скакунов и рванули прочь, в чащу, с треском ломая вековые ветви и оставляя за собой лишь клубы дыма и липкий запах собственного страха.

Глава 1

— Ника, вставай. Ты же не хочешь опоздать на встречу?

— Мам, это всего лишь встреча библиотеки с ее постоянными читателями, — сонно сказала я.

Наскоро сполоснув лицо, принялась за причёску. Резинка для волос предательски лопнула в третий раз за утро. Я выдохнула, глядя на своё отражение в тёмном стекле окна: каштановый хаос на голове всё равно не слушался ни лака, ни попыток собрать его в приличный хвост. Плюнула на это дело. Я натянула потёртые джинсы и, не тратя времени на лишние сборы, спустилась вниз, в прихожую.

Там, на коврике, уже ждали тяжёлые ботинки на толстой подошве — единственная обувь, в которой можно месить сибирский снег. Рядом висела чёрная куртка. Прежде чем накинуть её, пальцы привычно нырнули в карман, нащупывая холодный пластик наушников. Мой личный способ создать буферную зону между мной и этим шумным миром.

Мама преградила путь к выходу.

— Вероника, сначала завтрак. Сбежать не получится. Я замерла. Слово «Вероника» резануло слух, как скрежет металла. Чужой код, который мне приходилось носить с рождения. Мне семнадцать, я в одиннадцатом классе, и у меня нет времени на эти утренние ритуалы. Пусть для них я остаюсь Вероникой Аркадьевной. В своих мыслях я была и все-

гда буду только Никой.

— Ты же знаешь, как это для нас важно, — подал голос папа. Его пальцы нервно теребили край бумажной салфетки — жест, который он никогда не мог контролировать в моменты семейного напряжения. На нём была привычная серая рубашка с закатанными до локтей рукавами, а взгляд был устремлен куда-то сквозь столешницу, будто он уже мысленно чертил планы на день, пытаясь удержать ускользающий контроль. — Ты не должна опоздать, но от завтрака мамы я тебя не спасу.

— Безумно важно, — пробурчала я, занимая своё место. Я налила свежий кофе в кружку, делая вид, что эта «семейная обязанность» для меня не более чем досадная помеха в расписании.

— Ага, вот и моя рыжая сестра-соня встала, — поприветствовал меня Димка, мой младший брат, которому десять лет. Вечно растрёпанный, с россыпью веснушек на носу, он выглядел так, будто только что сбежал с катка, несмотря на то что сидел в тёплой кухне. — Мы тебя уже заждались, а я страх как хочу есть.

— Ты всегда хочешь сесть, — сказала я, состроив рожицу, — и потом, ты сам-то давно проснулся?

— Ха-ха, очень смешно, да я раньше всех встал!

— Ну да, конечно.

— Дети, прекратите ссориться, хоть сегодня давайте нормально позавтракаем, — это мама вставила свою коронную

фразу. Она стояла у плиты в неизменном светлом фартуке, с аккуратной стрижкой, которая никогда не выбивалась из формы, и держала спину так прямо, будто даже за утренним кофе вела невидимый контроль за порядком в доме.

Я молча размешивала сахар в кружке, наблюдая, как он растворяется в черной жиже. Мама бросила на меня быстрый взгляд.

— Ника, ты опять пялишься в одну точку, — заметила она, вытирая и без того безупречно чистую столешницу. — Хватит анализировать воздух, ешь. У тебя глаза, как у сыщика, слишком внимательные для простого утра.

Я пожала плечами, отводя взгляд. Мне никогда не нравилось быть в центре внимания. Проще сидеть на периферии, замечать детали, которые другие пропускают: как папа нервно теребит салфетку, или как Димка пытается скрыть синяк на колене. В тишине слышно то, что в шуме теряется. А ещё я терпеть не могу, когда меня пытаются «подогнать» под чей-то идеальный образ хорошей девочки. Я такая, какая есть, и мне этого достаточно.

Не скажу, что каждый день в нашей семье начинается именно так, нет, иногда мы вполне приличная семья со своими изъятиями. После завтрака я начала собираться на встречу читателей, было глупо делать его утром, а после него на тренировку, после тренировки в школу и т.д.

В моем городке мало кто посещает эту библиотеку, потому что источником любой информации является интернет.

Найдя организатора, я извинилась, что папа лично не смог присутствовать, немного пообщалась с его знакомыми и села на стул. Началось мероприятие. Говорили о новых поступлениях, о планах на квартал. Выказывали надежду на поддержку архитектора — папы, на помощь с перепланировкой здания. Я слушала вполуха. В какой-то момент голос ведущего стал глуше, будто слова уходили в пол. От скуки мой взгляд скользнул по инею на окне, узоры были замысловатые, похожие на какие-то узлы. Пытаясь разглядеть их получше я прищурилась, в глазах зарябило, я моргнула и узор исчез. Казалось, что воздух стал тяжелее, гуще. Помотав головой, я извинилась и ушла на тренировку. На которую, конечно, же, опоздала.

— О, явление всея Ники обычному народу! — фыркнула Таня, поправляя растрёпанный хвост. Рядом Марина уже стояла в идеальной стойке, цепко сканируя площадку. — Задержалась в библиотеке, — бросила я, занимая место. Николай Николаевич неодобрительно посмотрел на меня, кивнул головой в сторону шеренги и продолжил. Свисток взвизгнул. Разминка, двойной шаг, подача. Тренировка прошла в напряжённом ритме.

К последнему уроку я уже была пустой. В кабинете технологии пахло жареным маслом и бунтом. Мальчишки захватили кухню, решив жарить картошку. — Подсядешь? — Лиза, моя школьная подруга, кивнула в сторону наших. Спор о том, кто чистит, а кто моет, занял ровно три минуты, пока я

не рубанула: «Каждый за собой».

Готовка подходила к концу, когда в дверь ввалились Руслан с приятелями. В руках у Руслана поблёскивали бутылки пива.

— Поделимся? — он улыбнулся, протягивая одну мне. — Нет. Я вынула один наушник из уха, но второй оставила на месте, создавая иллюзию занятости. Руслан протянул мне бутылку, его улыбка была той самой, которой он обычно добивался своего. — Да ладно, пара глотков. Не будь занудой. — Мне нравится, когда я вижу и слышу всё, что происходит, — сказала я тихо, но так, чтобы он отступил. — Пиво оставьте себе. Еда — наша. Границы чёткие.

Он опешил. В школе привыкли, что он командует парадом, но я не собиралась терять ясность ради мимолётного «круто». Отступила к двери, накинула куртку. — Я пойду. Отпрошусь. Лиз, ты как? — Останусь, оценку исправлю, — буркнула подруга.

Отпроситься пораньше не составило труда, училась я хорошо, участвовала в олимпиадах, в общем, прилежная ученица.

Начинало темнеть, идя по темным улицам, я то и дело поскользывалась. Фонари светили плохо, и создавалось такое впечатление, что идешь по какому-то подземелью, на полу которого разлили скользкую жидкость. Сумерки сгущались, можно было увидеть луну, которая вот-вот станет более яркой. Подул ветер, снег поземкой клубился по дороге, кажет-

ся, скоро начнется вьюга. Собрались тучи, стало еще темнее. Черт, я же маме не позвонила, опять будет ворчать. Мне уже семнадцать лет, а я до сих пор должна отчитываться, скорей бы уже съехать от них.

— Алло, Ника, ты домой?

— Да мам, я скоро буду.

— Не опаздывай к ужину.

— Да, хорошо, бегу.

Положив телефон в карман, я ускорила шаг. Фонари мигали, отбрасывая на снег длинные, ломкие тени. Дом был близко. Я сбавила темп. И тут за спиной послышался хруст шагов. Не мои. Я инстинктивно прижалась к заснеженной обочине, давая дорогу. Прошёл бы. Не прошёл. Шаг. Мой. Шаг. Его. Синхронно. Слишком близко. Слишком ровно. Будто не человек шёл, а тень, приросшая к подошвам.

Я замедлилась. Он — тоже. Замер. Я сделала ещё полшага. Он — повторил. Воздух сгустился, стал тяжёлым, липким. Мороз колот щёки, но по спине пополз липкий жар. В висках застучало, перебивая хруст снега. Мозг лихорадочно искал логику: прохожий? Нет. Я резко развернулась, сжимая кулаки в карманах, готовая кричать или бежать. — Чего тебе надо? — голос сорвался на хрип, но в следующее мгновение знакомые черты вынырнули из сумерек, и напряжение треснуло, как лёд под ногой. — Эрик? Это ты?

— Он самый, — улыбнулся парень, выныривая из сумерек. — Твой старший брат вернулся. Привет, сестрёнка.

— С головой так и не научился дружить, — выдохнула я, чувствуя, как ледяной узел в груди развязывается.

— Зато я весёлый. Ну, может, обнимешь своего любимого брата? — он протянул руки.

Я шагнула вперёд и уткнулась лицом в его куртку. Он выглядел так, будто мы виделись на прошлой неделе: те же тёмно-серые глаза, та же упрямая линия бровей, только лицо стало старше, а плечи — плотнее. В его объятиях пахло морозом, старой кожей и чем-то неуловимо родным, отчего пятилетняя тоска вдруг стала осязаемой. Я очень скучала по нему.

— Надолго? — спросила я, отстраняясь. Эрик на секунду погрузился, взгляд метнулся куда-то за моё плечо, в сторону темнеющих крыш.

— На неделю, может на две. А потом — как получится. — Он сменил тему, легко подтолкнув меня вперёд. — Пошли домой.

Мы дошли до крыльца. Я вставила ключ в замок, провернула его и, открывая дверь, крикнула:

— Заходи! Мам, мы пришли!

— А кто это «мы»? — из коридора вышла мама в цветастом фартуке. Увидев Эрика, она ахнула и бросилась к нему, забыв про сковородку.

— Мам, я тоже рад тебя видеть, — Эрик крепко обнял её, а потом добавил — А где папа?

— Сегодня задержится. Ужинать будем без него.

— Жалко. А Димка?

— На катке. В хоккей играет, тоже должен скоро прийти. Ну, что ж мы на пороге стоим? Мойте руки с улицы!

— Так точно, — отсалютовал Эрик.

— К пустой голове руку не прикладывают, — укорила мама, но в её голосе звенело счастье.

Я проводила Эрика в комнату и спустилась вниз. На журнальном столике лежали отцовские чертежи: пересекающиеся линии невольно складывались в узор, смутно знакомый, будто я уже встречала его где-то раньше. Звонил Димка — оставался у друга. В трубке на секунду пронёсся сухой шорох, похожий на ветер в голых ветвях, и связь оборвалась. За семейной болтовнёй навалилась тяжёлая, липкая усталость. Сославшись на уроки и встречу с Сашей (мы с ним создавали программу для мониторинга выпускников), я пожелала всем спокойной ночи и поднялась к себе.

Поднимаясь по лестнице, заметила, что луна, заглядывая в оконце, отбрасывала на стену тень, напоминающую сплетение корней. Я поспешно отвернулась и шагнула в коридор, где половицы под ногами снова тихо простонали, провожая меня в тишину второго этажа.

Дверь в мою комнату открылась без скрипа. Неужели, папа наконец смазал петли. Из комнаты потянуло холодом. Тяжёлым, сырым, пахнущим озоном и старой древесиной. Я замерла у порога. В углу комнаты, на стыке лунного света и густой темноты, тень вела себя неправильно. Она не подчи-

нялась законам физики и не повторяла контуры мебели. Она сгущалась, обретая очертания высокой человеческой фигуры, и медленно повернулась в мою сторону.

Я должна была закричать, включить свет или схватить телефон. Но вместо паники внутри щелкнул странный, липкий механизм узнавания. Будто моя собственная система безопасности молча выдала этому процессу права администратора. Я не отступила. Я просто кивнула в пустоту, разрешая тени материализоваться.

Тень дрогнула и перетекла к окну. Стекло задрожало от легкого, но пугающе четкого стука. Два коротких. Пауза. Один длинный. Я подошла и откинула шпингалет. Металл обжег пальцы ледяным холодом. Едва я приоткрыла раму, в комнату ворвался не просто зимний мороз, а густой, колющий воздух, пахнувший хвоей и озоном.

Парень бесшумно перекатился через подоконник. Закрыв створку, и сухой щелчок замка прозвучал как выстрел в наступившей звенящей тишине.

И только в этот момент до меня дошло, что я натворила. Я только что впустила в свою спальню незнакомца. Сердце колотилось где-то в горле, а разум лихорадочно искал логику: галлюцинация? Усталость? Но тяжесть в груди и ледяная ясность в голове не давали списать всё на сбой системы.

Передо мной стоял парень лет восемнадцати. Волосы цвета мокрой земли собраны в низкий хвост. Кожа бледная, словно выцветшая от долгого отсутствия солнца. Он

стоял слишком неподвижно. Словно статуя, которую забыли убрать перед приходом хозяев. Плащ лежал без единой складки, воротник поднят. Три верхние пуговицы рубашки были расстегнуты. Они не блестели, не отражали свет лампы. Они его поглощали.

Парень поднял голову. Радужка — медовая, но в глубине зрачка что-то шевельнулось. Не отражение. Тень.

— Привет, — голос прозвучал не из комнаты. Словно шёпот из-за стены. Бархатный, низкий, без эха.

У меня сжалось горло. Я не отступила. Странно. Страх не пришёл.

— Подкат оригинальный, но не засчитан, — выдохнула я. Голос дрогнул, но я заставила себя не отвести взгляд. — Обычно, прежде чем войти в чужой дом, стучат, а не врываются в спальню неизвестно как. Убирайся.

— Будь я тем, кого ты боишься, — он медленно поднялся. Движения плавные, словно он хищный зверь, а не человек, — ты бы сейчас не стояла. А лежала. Или кричала.

— Значит, ты, якобы, не маньяк? — Я сделала шаг назад, к двери. — Отлично. Тогда объясни, зачем залез в окно. И кто ты вообще.

— Рик. — Он не назвал фамилию. Словно она не имела веса. — Мне нужно с тобой поговорить.

Я нахмурилась. Холод в комнате усилился. На подоконнике за секунду проступил тонкий узор инея.

— Тебе грозит беда, — продолжил он, не отводя взгляда.

— Древнюю вещь снова ищут. Я почувствовал зов — искатели уже близко.

— Какая опасность? Что за вещь? Какой зов? — Сердце колотилось, но я не позволяла себе дрожать. — Кто ты такой? И почему моя семья — я осеклась. — Почему они молчали?

Рик помолчал. В его глазах медовый оттенок на мгновение потускнел, уступив место чёрному. Как угли, в которых давно погас огонь.

— Они хотели укрыть тебя неведением, — сказал он тихо. — Я считаю иначе. Тот, кто видит угрозу, может дать отпор. Слепой просто исчезает.

Я закусила губу. Воздух стал густым, тяжёлым.

— Эрик зовёт это обетом. Я называю это поводом, — он не отрывал взгляда. — Ты ведь разбираешься в сложных структурах, так что поймёшь. Твоя кровь — это ключ. Обет, данный предками, — не просто слова. Он дремлет, пока не почует чужое вмешательство, словно натянутая тетива. И сейчас кто-то пытается дёрнуть за эту нить, чтобы найти артефакт. Но сначала им придётся пройти через тебя.

— погоди, откуда ты знаешь Эрика?

— Мы с ним давние приятели, — ответил странный парень.

Я сглотнула. Холод под свитером сменился жарким, колючим напряжением. В голове уже строилась схема: входные данные, триггер, процесс-защитник, цель взлома.

— Артефакт, — продолжила я, собирая мысли в кучу. — Это не просто вещь. Это ядро системы? То, что даёт доступ к чему-то большему?

Рик слегка наклонил голову. В его чёрных зрачках мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Ты быстро схватываешь суть. В старых книгах это зовут Узел. В нём — память, сила и дверь. Если искатели его вскрыют, защита рухнет. Не только твоя.

— А зов? — спросила я. — Ты сказал, почувствовал зов.

— Это как удар в колокол, который слышу только я, — он постучал костяшками по своей груди, где-то в районе сердца.

Я села и обхватила колени, чувствуя, как пол под ногами становится менее надёжным. Мир, который минуту назад состоял из школы, тренировок и жареной картошки, дал трещину. Но трещина — это не баг. Это точка входа.

— Хорошо, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Допустим, я приняла твою метафору. Но у меня нет админских прав. Я не знаю ни языка, на котором написан этот «скрипт», ни архитектуры системы. Почему тогда ты не идёшь к моим родителям?

— У них есть старые знания, те же, что и у меня, — Рик отошёл от окна. Свет лампы поймал грань его скулы. — Но только вместе с тобой я смогу найти эту вещь и перепрятать её, или уничтожить, если позволит судьба. Твоя задача — артефакт. Моя — сделать так, чтобы после этой заварухи ты продолжила жить своей жизнью.

— А почему ты решил, что я вообще буду тебе в этом помогать? — я подняла на него взгляд.

— Можешь и дальше прятать голову в песок. Но тогда враги придут сами, и ты не сможешь им противостоять. А без твоего дара мои руки связаны.

Сделав судорожный вздох, я принялась нервно раскачиваться из стороны в сторону. Покачивание постепенно замедлялось, уступая место ясности, которая, словно системный сброс, смывала панику и возвращала контроль над дрожащими пальцами. Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как страх раскладывается на чёткие параметры задачи.

— Успокоилась? Тогда слушай внимательно, — его голос стал жёстче. — Не пытайся действовать в одиночку. Не трогай то, чего не понимаешь. Если увидишь узор, которого там быть не должно, — не прикасайся. Просто запомни время и место. Я приду.

— А если ты не успеешь?

— Успею. Я привязан не к стенам этого дома, а к самому Узору, — он шагнул к окну. Лёд на стекле треснул, складываясь в новую ветку того же узора. — Но, Ника если почувствуешь, что реальность ходит по кругу, не сопротивляйся. Найди опору. То, что реально. Холод стекла. Шум ветра. Своё имя.

— Зачем?

— Потому что некоторые силы стирают память, а ты — последняя живая нить в этой цепи.

Он открыл раму. Ветер рванул шторы, но в комнате не стало холоднее. Наоборот. Запахло нагретой смолой и старой бумагой. Рик шагнул в проём. Не спрыгнул. Не скрылся. Просто растворился в ночном воздухе, будто тьма втянула его в себя. Я подошла к подоконнику. На снегу — ни вмятин, ни отпечатков. Только тонкая рябь, словно кто-то провёл невидимой кистью по замерзшей глади. В висках застучало. Где-то в глубине памяти всплыло старое, почти забытое слово: межа. Граница, по которой ходят те, кого не принимают ни земля, ни небо. Я толкнула раму. Петли скрипнули слишком громко. Мозг, привыкший к чётким алгоритмам, лихорадочно искал ошибку в коде реальности: галлюцинация, сон, чья-то шутка. Но тяжесть в груди и ледяная ясность в голове не давали списать всё на усталость. Я закрыла окно. Защёлка щёлкнула, отрезая улицу. Но тишина больше не была пустой. Она сгустилась, стала тяжёлой, как вода в закрытом сосуде. В углах замерли тени, слишком длинные для этого часа. Половицы под ногами тихонько простонали, хотя я не шевелилась. Я сидела на краю кровати и чувствовала, как привычный мир дал трещину. Система больше не работала.

Глава 2

Ветер за окном не стихал всю ночь. Он скрёбся по стеклу, будто искал щель, и каждый раз, когда я закрывала глаза, в голове всплывало его лицо: неподвижное, бледное, с глазами, менявшими цвет. Утро наступило серым и тяжёлым. Я лежала, уставившись в потолок, и перебирала события, как строки кода. Мороз, озон, рисунок инея, слова про «узел» и «связь», отсутствие следов на снегу. В моей упорядоченной жизни, расписанной по минутам между школой, тренировками и отладкой программ, вдруг появился баг. Странно, но вместо паники я почувствовала азарт. Впервые за годы монотонной стабильности скука отступила, уступив место чему-то живому, непредсказуемому. Мне нужны были входные данные. Я должна была найти закономерность, иначе весь этот хаос останется просто страшилкой на ночь.

Я встала, подошла к окну. Стекло было чистым, но память подкинула образ: вчерашний рисунок на подоконнике. И тут же в голове всплыли отцовские чертежи, расстеленные на журнальном столике. Пересекающиеся линии, несущие оси, штриховка. Они ведь тоже складывались в то самое переплетение. Совпадение? В программировании совпадений не бывает. Бывают скрытые зависимости.

Звон будильника оборвал мои мысли. Я оделась и спусти-

лась на кухню. Пахло кофе и подгоревшими тостами. За столом уже сидел Эрик, уткнувшись в телефон, а папа разворачивал свежий выпуск местной газеты. Он выглядел уставшим: серые круги под глазами, привычно закатанные рукава рубашки, но спина всё так же прямая.

Я налила себе чай, наблюдая, как поднимается пар. Тонкая, извивающаяся спираль пугающе напоминала те самые руны. Села напротив и, не откладывая в долгий ящик, бросила фразу, как камень в стоячую воду:

— Пап, твой проект для городской администрации. Те чертежи, что лежали вчера в гостиной. Там же узор? Не просто схема коммуникаций, а переплетение.

Папа замер. Газета медленно опустилась на стол. Эрик перестал печатать, его взгляд стал цепким, настороженным.

— Ника, — голос папы стал тише, в нём прозвучала та самая усталость, которая появляется, когда человек понимает, что старая защита дала трещину. — Откуда ты это взяла?

— Я видела. Линии складываются в один паттерн. Что это за проект? И почему он так выглядит?

Папа глубоко вздохнул, снял очки и потер переносицу.

— Это реставрация старого архива на окраине. Историческое здание. — Он помолчал, выбирая слова. — Да, линии там не случайные. Архитекторы прошлого закладывали в планировку не только функционал, но и структурную гармонию. Иногда это называли «защитой фундамента». Я изучаю их чертежи, чтобы не нарушить несущую геометрию.

Рисунок, который ты заметила, — это не магия, Ника. Это старая инженерная традиция.

Он сказал это слишком ровно. Слишком гладко. Как человек, который заучил легенду, чтобы не пускать детей в подвал.

— Инженерная традиция не оставляет следов в виде знаков на стекле, — тихо ответила я.

— Ника, хватит! — резко оборвал Эрик. В его глазах читалась настороженность.

— Я просто спрашиваю, — я не отводила взгляда от отца. — Если это просто архитектура, почему вы с Эриком шепчетесь на кухне?

— Ника, послушай. — Он уперся локтями в стол, и его взгляд стал предельно серьёзным, лишённым привычной мягкости. — Есть границы, которые нельзя переступать из простого интереса. Этот проект и всё, что с ним связано, — не поле для твоих интеллектуальных экспериментов. Цена ошибки там слишком высока, и расплачиваться будем не мы. Если у тебя появятся новые данные, ты несёшь их мне или Эрику. Никакой самостоятельности. Ты меня слышишь?

Комнату заполнила тишина. Чай остывал. Эрик смотрел в окно, сжимая челюсти. А я чувствовала, как внутри срабатывает переключатель. Не страх. Не обида. Чёткое понимание: они знают. И они боятся не за меня. Они боятся того, что я могу разбудить.

— Я слышала, — сказала я ровно. — Но обещать не мо-

гу. Любая закрытая система рано или поздно требует отладки. А я уже получила первый лог-файл.

Папа закрыл глаза. Эрик тихо выдохнул. За окном ветер снова ударил в стекло, и мне показалось, что на этот раз он уже не искал щель. Он стучался.

В школе голоса учителей сливались в монотонное, глухое гудение, будто я слушала их через толстое, мутное стекло. На доске мелькали бессмысленные формулы, а моя рука по инерции, почти механически, выводила на полях тетради те самые переплетения. Узоры. Я сжимала ручку так сильно, что белели костяшки, но остановиться не могла.

Мой мозг категорически отказывался переходить в режим энергосбережения. Он работал на износ, жадно собирая обрывки информации, даже когда я пыталась его отключить. Я ловила себя на том, что неосознанно считаю шаги одноклассников в коридоре, вслушиваюсь в сбивчивый ритм школьных звонков, выискивая скрытую логику и причинно-следственные связи там, где другие видят лишь скучную рутину.

К последнему уроку виски сдавило тугими тисками, а в груди поселилась липкая, изматывающая тревога. Мир вокруг казался слишком хрупким, готовым треснуть от любого резкого движения, как тонкий лёд. Но сквозь эту ментальную перегрузку уже проступала первая, пугающе чёткая гипотеза: реальность не дала сбой. Она просто переключилась

на другую, недоступную обычным людям частоту. И я была единственной, кто слышал этот гул.

Тренировка перед областными выбила меня из этого состояния лучше любого кофе. Разминка, ускорения, отработки подачи, спарринги. Тренер выкрикивал цифры, я дышала в такт свистку, считала удары, вбивала в мышцы автоматизм. Пот, тяжёлые кроссовки, гул в ушах. На полтора часа я перестала быть узлом протокола. Стала просто телом, которое бежит, прыгает, дышит. Когда закончили, напряжение в плечах спало, но в висках всё ещё пульсировал тот самый ритм.

Дом встретил тишиной и запахом остывшего чая. Эрик сидел в гостиной, перебирая старые папки. Увидев меня, он прикрыл их слишком быстро.

— Ты знал, что я спрошу, — я не стала здороваться. Просто сняла куртку и села в кресло напротив.

— Знал, — он потер переносицу. — И я даже подготовил ответ. Чтобы ты успокоилась. Чтобы перестала копать.

— Давай.

Он выдохнул, выбирая слова, уверенный, что этого хватит.

— Это не проклятие, Ника. И не магия из сказок. Это резонанс. Ты чувствуешь структуру там, где другие видят шум. Ты всегда это умела. Вспомни, как ты предсказывала погоду, когда барометры врали. Как находила потерянные вещи, просто «зная», где они. Как твои программы никогда не ломаются, потому что ты интуитивно видишь скрытые связи.

Это дар. Способность считывать узоры.

Но я уже слышала щелчок. Новый параметр в уравнении.

— Резонанс, — повторила я тихо. — Значит, я не ключ. Я антенна.

— И да, и нет, — уклончиво ответил Эрик, — я не знаю точно как это работает. Однако, могу сказать, что это помогает тебе видеть саму суть вещей, а не только просчитывать алгоритмы. Кстати, сегодня придет мой близкий друг к нам на ужин, в ближайшие дни он будет часто появляться у нас, поэтому я решил вас познакомить.

— А я при чем? — буркнула я, недовольная тем, что Эрик съехал с темы.

— Спустись поужинать с нами, это будет вежливо.

Я закатила глаза, но спорить с братом не стала, он явно знает больше чем показывает. Ссориться с ним сейчас будет глупо. Поднявшись к себе, я села за ноут и погрузилась в школьный проект, на следующей неделе его нужно будет за-тестить, а у меня еще все на стадии идеи. Спустя некоторое время, зная себя, прошло как минимум часа три, я почувствовала запах еды. Следом за запахом жареной картошки в дверном проеме появился Димка. Но вместо привычного вихря, сметающего всё на своём пути, он застыл на пороге, цепляясь пальцами за косяк. Обычно он влетал с грохотом, требуя еды и внимания, а сейчас стоял неестественно тихо, слегка сутулясь.

— Эй, ботаник, — позвал он. Голос прозвучал приглу-

шенно, без привычных звонких ноток. — Там друг Эрика пришел. Спускайся, все тебя ждут.

Я вздохнула, собираясь встать, но замерла, заметив его состояние.

— Ты чего застыл? — спросила я.

Димка передернул плечами, словно его пробрал внезапный сквозняк, хотя в комнате было тепло. Он бросил быстрый, дерганный взгляд в сторону коридора, откуда доносился приглушенный гул голосов взрослых.

— Он странный, — тихо буркнул брат, не поднимая на меня глаз. — Этот друг Эрика. Он сел за стол и вообще не двигается. Как статуя. И... он на меня посмотрел, а у меня внутри всё сжалось. Будто забыл, как дышать. Говорит мало. И он не моргает, Ника. Seriously, я следил целую минуту.

— Зато ты болтаешь много, — попыталась я смягчить атмосферу, натянув улыбку, хотя по спине пробежал легкий холодок. — Ладно, пошли посмотрим на того, кому удалось напугать моего младшего брата.

— Я не испугался, — быстро, слишком быстро выпалил он, но тут же отвел взгляд и сделал шаг назад, пропуская меня вперед, словно боясь оставаться в дверном проеме.

В столовой пахло жареным картофелем, корицей и чем-то сухим, как старая бумага. За длинным дубовым столом уже сидели мама, папа, Эрик и он. Рик. Он сидел прямо, ладони спокойно лежали на коленях, чёрный свитер, казалось, поглощал тёплый свет люстры. Кожа была не просто блед-

ной — фарфоровой, лишённой привычной жизни и тепла. Но когда Эрик произнёс моё имя, он медленно поднял голову. В его глазах не было ни удивления, ни фальшивого приветствия. Только ровное, почти изучающее внимание.

— Это моя младшая сестренка, Ника, — представил меня Эрик, — а это мой друг по универу — Рик. — Ника, — кивнул он. Голос прозвучал тихо, но чётко, как настройка камертона. — Привет, — ответила я, занимая место между Эриком и папой.

Папа сразу же взял ситуацию в свои руки. Он был из тех, кто разряжал обстановку шуткой, даже когда на столе лежали чертежи, а в доме витала невидимая тревога. — Ну вот, наконец-то полный комплект, — он улыбнулся, подливая чай. — Если бы ещё кот где-то мяукал, можно было бы снимать семейную комедию. Только, Рик, имей в виду: у нас тут строгий устав. Кто не доедает — тот сам моет посуду. Рик чуть заметно дёрнул уголком губ. Не улыбка, скорее тень жеста. — Учту, — ответил он. — А чем ты, собственно, занимаешься? — папа откинулся на спинку стула, демонстрируя профессиональный интерес, но без нажима. — Эрик сказал, вы вместе учитесь? На каком курсе?

— Не учусь, — Рик ответил ровно, не отводя взгляда от папы. — Взял академический отпуск. Занимаюсь частными проектами. Реставрация старых зданий. — О, благородное дело, — кивнул папа. — Люблю тех, кто умеет слушать стены. А семья? Где они? Далеко отсюда? — Далеко, — голос

Рика стал чуть тише. — Мы не очень близки. Давно не виделись. Повисла пауза, но мама мягко её заполнила: — Ну, семья — это не всегда про расстояние, — она подвинула к Рiku тарелку с пирогом. — Иногда это про тех, кто рядом в нужный момент. Ешь, пожалуйста. Я испекла его специально, чтобы согреть дом после такой метели.

Я смотрела, как Рик берёт вилку, роется в пироге, создаст видимость, что ест, но он не ел. Еда показалась мне безвкусной, не от страха, а от перегрузки: слишком много людей, слишком много информации, слишком мало ответов. Димка, не выдержав молчания, фыркнул: — Я видел, как ты пришёл. Пальто похоже на осеннее, не холодно? — Я привык к холоду, — пожал плечами Рик. В его взгляде не было насмешки, только спокойное признание факта. — В нём слышно, когда кто-то подходит. Димка нахмурился, не поняв подтекста. Папа рассмеялся, решив, что это просто подростковая бравада: — Ну, философ! Ладно, если услышишь, что кто-то крадёт к холодильнику ночью — свисти.

Рик медленно перевёл взгляд на папу. Потом — на меня. На долю секунды задержался на моём лице. — Аркадий, могу ли попросить вашего профессионального совета? — спросил он. — Я недавно взялся за один проект. Восстановление дома на сваях. Недалеко от города, в селе Находка. Заказчик хочет план, смету, но без понимания местного ландшафта это проблематично. Подскажите, на что смотреть в первую очередь? На несущие балки? Или на то, что скрыто под фун-

даментом? На те линии, которые старые мастера закладывали не для красоты, а чтобы удерживать конструкцию. Чтобы она не сдвигалась.

Он произнёс это ровно, но последнее слово повисло в воздухе. Удерживать. Мои пальцы невольно сжались под столом. Всплыли отцовские чертежи. Пересекающиеся линии. Узор, похожий на узел. На иней на моём окне. Папа пустился в объяснения, подробно описывая, что нужно сделать первым делом, на какие подводные камни они могут наткнуться. Он говорил о грунтах, о старых сваях, о том, как в Сибири дома ставили не просто так, а по «живой геометрии». Я слушала, но не его слова. Я ловила структуру. Рик не просто спрашивал совета. Он давал мне ключ. Находка. Сваи. Линии. Архив отца.

Ужин закончился без резких нот. Рик встал первым. Его движения были плавными, экономичными. Он пожал руку папе — крепко, по-мужски. — Ирина, пирог ваш выше всех похвал, — улыбнувшись, скорее механически, чем искренне, сказал Рик. Мама эту отстранённость приняла за застенчивость. Димке он подмигнул, но в этом жесте не было тепла — только ритуал, как отмычка, вставленная в замок. Мне он улыбнулся и кивнул, коротко, беззвучно. — До вечера, — шепнул он, проходя мимо. Я кивнула, чувствуя, как холод от его присутствия всё ещё висит в воздухе, смешиваясь с запахом корицы и чая. Напряжение не отступало. Оно пульсировало в висках, не давая уснуть, заставляя мозг работать в фо-

новом режиме, словно процесс, который невозможно завершить через диспетчер задач. Утренняя отговорка отца про «старую инженерную традицию» звучала теперь как плохо скомпилированный код: формально гладкая, но при запуске выдающая критическую ошибку.

В третьем часу ночи меня разбудила жажда. Пришлось вылезать из постели. Я наспех надела халат и тихо, чтобы никого не разбудить, спустилась на кухню. Дом погрузился в тяжелую, ватную тишину, нарушаемую лишь завыванием ветра за окном и гулом холодильника. Я уже потянулась к шкафу за стаканом, как вдруг из гостиной донесся звук, который мгновенно активировал мой внутренний фаервол.

Глухой, тяжелый стук. И следом — сухой, резкий щелчок. Звук выдвигаемого ящика или поворачиваемого ключа.

Кабинет отца. Дверь была не до конца закрыта, выпуская на паркет узкую, желтоватую полосу света от настольной лампы. Обычно дверь всегда была нараспашку. Я подошла ближе и толкнула дверь без стука.

Папа стоял у массивного дубового стола спиной ко мне. Его широкие плечи были неестественно напряжены. В руке он сжимал что-то длинное и темное, пытаясь на ощупь сунуть это в нижний ящик, но пальцы предательски дрогнули. Предмет с глухим стуком выскользнул и упал на паркет.

Я шагнула в комнату и подняла его. Это был не чертежный инструмент и не сломанный циркуль. Старое, потемневшее от времени деревянное веретено. Тяжелое, с идеально

гладкой, словно отполированной тысячами прикосновений поверхностью. На широком конце была вырезана едва заметная вязь.

— Что это? — спросила я. Мой голос прозвучал в ночной тишине ровнее, чем я себя чувствовала.

Отец медленно обернулся. В его обычно спокойных глазах на долю секунды мелькнула паника, которую он тут же попытался задавить привычной, авторитетной строгостью. Но трещина в его броне уже дала о себе знать.

— Ника, — он сделал шаг ко мне, протягивая руку. — Отдай это. Это не игрушка. И не реквизит для твоих программистских игр.

— Это не чертежный инструмент, пап, — я не отдала веретено, крепче сжав гладкое дерево. Оно было на удивление теплым, словно хранило чужое тепло.

Он выдохнул. Тревога, которую я фиксировала в нем последнее время, вдруг перестала быть абстракцией. Она обрела плотность, физический вес. Он не стал вырывать у меня веретено. Просто опустил руку и провел ладонью по лицу.

— Это старинный семейный оберег, — тихо произнес папа, и в его голосе зазвучали нотки, которых я раньше не слышала: глухой, вековой страх. — Он принадлежал твоему прадеду. Мы храним его, чтобы... чтобы нить не порвалась.

— Какая нить? — я включила режим аналитика, цепляясь за каждое слово. — Ты говоришь о структурной гармонии в чертежах. А теперь о нитях. Пап, я не ребенок. Я видела

узоры.

— Я скрываю это, чтобы ты жила нормальной жизнью! — его голос сорвался на хрип, он тут же взял себя в руки, но было поздно. — Ника, послушай меня внимательно. Есть вещи, которые кажутся интересными, пока не ты разбираешься в них, но как только ты погружаешься в это болото, оно не отпускает. Этот оберег — не ключ к разгадке. Это предупредительный знак.

Он подошел ближе и накрыл мою руку, сжимающую веретено, своей широкой ладонью. Его пальцы были ледяными.

— Лучше бы тебе не лезть в это дело, — продолжил он, глядя мне прямо в глаза. — Любопытство в нашем мире — это не добродетель, а маяк. Как только начинаешь ворошить то, что веками лежало в тишине, перестаешь быть невидимой. Становишься мишенью для тех, кто ищет.

Он провел рукой по крышке стола, словно стирая невидимую пыль, и его голос стал тише, но от этого каждая фраза обрела вес.

— Твой прадед не просто спрятал этот оберег в ящик. Он вплел его в самую структуру нашей семьи, в чертежи этого дома, в нашу кровь. Он выстроил надежную защиту, как несущую стену. Она держит нас в безопасности, пока мы не привлекаем к себе лишнего внимания. Но если ты начнешь дергать за эти нити, попытаешься разобрать эту конструкцию до винтика, ты рискуешь обрушить всё здание. А любая трещина в фундаменте — это открытая дверь для того, что бродит сна-

ружи.

Я молчала, переваривая информацию. Мой мозг уже строил схему: замкнутая система, уязвимость при внешнем воздействии, риск критического сбоя при попытке несанкционированного доступа.

— Я вижу, что ты уже сделала свой выбор, — тихо сказал отец, заметив, как я сжимаю челюсти. — Ты нащупала эту ниточку. Но раз ты решила копать, ты не будешь делать это в одиночку. Ты будешь держаться Эрика. Он знает правила этой игры лучше, чем кто-либо из нас. И он не позволит тебе совершить фатальную ошибку.

Отец закрыл глаза, словно от физической боли. Он не стал спорить дальше, понимая, что стена, которую он строил годами, дала трещину. Он просто молча взял веретено, открыл ящик и запер его на ключ, повернув его дважды. Щелчок в ночной тишине прозвучал как приговор.

Глава 3

Рик не пришел тем вечером и через пару дней тоже. Неделю спустя после его визита на ужин, мне стало казаться, что всё это была глупая, затянувшаяся шутка. Мозг, жаждущий логики, начал списывать холод, узоры и бархатный голос на переутомление и богатое воображение.

Утром субботы я, наконец, отправилась к нашему школьному программисту Саше, чтобы поработать над проектом по мониторингу успеваемости. Компьютерный класс был пуст, пахло пылью и нагретым пластиком системных блоков. Саша, бросив «сейчас вернусь», вышел в коридор говорить по телефону, оставив свой компьютер разблокированным.

Я села за его место, чтобы открыть нашу общую директорию, но взгляд зацепился за папку с лаконичным названием: Ключ.

Подумав, что это часть нашего проекта, которую он забыл закоммитить, я кликнула по иконке.

Экран моргнул. Внутри не было ни строчки кода нашего приложения. Первым лежал файл с моим полным именем: Вероника Аркадьевна Межина.jpg. Я открыла его. Это было мое фото, сделанное не так давно, выдернутое из соцсетей. Рядом лежал скан пожелтевшего, потрескавшегося документа. Я приблизила изображение, всматриваясь в выцветший шрифт. Свидетельство о рождении. Имя: Варвара Матвеев-

на Черных 3 марта 1923 года рождения. Но меня зацепило не это. Вместо штампа или печати на бумаге был тот самый витиеватый узор-вязь, который я видела на инее своего окна и на отцовских чертежах.

И в конце папки — текстовый файл с именем Ключ.txt. Я открыла его. Это выглядело как код, но синтаксис был сло-ман. Смесь шестнадцатеричных значений, странных кирил-лических переменных и циклов, которые визуальнo напоми-нали не алгоритмы, а схему плетения узлов. Строки повто-рялись, словно мантра, но с математической точностью.

Сердце пропустило удар, паники не было. Сработал хо-лодный, аналитический режим. Я достала из кармана флеш-ку, скопировала папку, переименовала копию в Backup_2023 и нажала «Извлечь устройство».

Дверь скрипнула. Вошел Саша, потирая переносицу. Он выглядел дерганным, взгляд бегал. Мы просидели за кодом уже час, но наш привычный рабочий ритм дал критический сбой. Обычно именно я, с моим аналитическим складом ума, задаю темп, а он, как опытный разработчик, спокойно на-правляет и корректирует мои решения. Сегодня же его паль-цы нервно и хаотично били по клавишам, он то и дело оши-бался в базовом синтаксисе и постоянно косился на дверь, словно ожидая, что кто-то ворвется в класс. Для меня, при-выкшей к абсолютной логике и предсказуемости машин, эта напряженная, дерганая атмосфера была невыносимо чужой.

— Извини, Ника, — бросил он, не глядя на экран. —

Срочные дела. Семейные. Я сегодня не смогу с тобой сидеть, никак не получается сосредоточиться. — Ничего страшного, — ответила я ровным голосом, убирая флешку в карман. — Я тогда сама набросаю структуру. — Да, да, отлично. Напиши основной цикл обработки данных самостоятельно, ладно? Я проверю и отлажу на следующей неделе. — Договорились, — я встала, накидывая куртку. — Удачного дня, Саша.

Весь оставшийся день я просидела дома перед ноутбуком. Пытаясь перевести этот «код», прогоняла его через дешифраторы, искала паттерны.

Я развернула окно с текстовым файлом на половину экрана, а рядом открыла скан метрики. Мой мозг, привыкший искать аномалии в массивах данных, мгновенно начал строить мосты между двумя, казалось бы, разными форматами.

Скан документа был не просто картинкой: я мысленно, а затем и с помощью простейшего графического редактора, наложила его узор на строки кода и поняла, что линии вязи идеально совпадают с блоками синтаксиса. Каждый изгиб старинной руны соответствовал циклу, каждый узел — логическому оператору. Это был не вредоносный скрипт. Это была карта. Или, точнее, протокол поиска, переведенный с древнего языка на машинный.

Переменные в коде указывали на географические координаты, а циклы имитировали не вычисления, а некий ритуал привязки. К вечеру голова гудела, но картина начала проясняться. Этот «Ключ» был нужен не для защиты. Он был ну-

жен для того, чтобы что-то найти. Или кого-то призвать.

Стук в окно раздался ровно в девять. Не хаотичный, слепой шорох ветки, а выверенный, ритмичный сигнал, отождествившийся вибрацией в стекле: два коротких, один длинный.

Я подошла и откинула шпингалет. Едва я приоткрыла раму, в комнату ворвался не просто зимний мороз, а густой, колючий воздух, пахнувший хвоей и озоном. Тени на стене дрогнули и вытянулись.

Рик бесшумно переступил через подоконник, впуская клуб морозного пара. Он с силой задвинул тяжелую деревянную задвижку, отрезая комнату от улицы. Его глаза почернели. Никакой теплой медовой глубины. Только абсолютная, поглощающая свет тьма. Мой внутренний фаервол взвыл сиреной: система перешла в режим боевой тревоги.

Его взгляд вцепился в экран ноутбука. Для него светящийся дисплей был не просто устройством, а маяком, кричащим о несанкционированном доступе.

Воздух в комнате сгустился. По коже пробежал резкий холод. На стекле за его спиной мгновенно пополз свежий иней, выстраиваясь в знакомые, ломаные линии.

— Ты нашла его, — сказал он не как вопрос, а как констатацию факта. Его голос был напряжен, в нем звенели невидимые струны.

— Саша хранил это у себя, — я скрестила руки на груди. — Объясни. Сейчас. Что это за код? Рик шагнул ближе, его взгляд приковался к экрану.

— Это не просто код, Ника. Это алгоритм поиска узла. Кто-то пытается перевести древние правила привязки на язык машины, чтобы обойти защиту. Если у них получится, они найдут артефакт. А вместе с ним — и тебя. Ты им так же нужна, чтобы воспользоваться артефактом.

— Почему он был у Саши? — мой голос дрогнул, но я сжала кулаки, заставляя себя держать контроль.

— Потому что искатели не всегда приходят с ножом. Иногда они приходят с клавиатурой.

— Ника, я поговорить хотел, — сказал вошедший со стуком в мою комнату Эрик.

От вида брата у меня сжалось сердце. Эрик выглядел так, будто его внутренняя батарея разряжена в ноль, а система работает исключительно на аварийном резерве. Глубокие, синеватые тени залегли под ввалившимися глазами, придавая лицу изможденный, почти восковой оттенок. На скулах жестко проступала темная щетина, выдавая дни, проведенные без нормального сна, но эта усталость была обманчивой.

Его тело было натянуто, как тетива лука. Вес перенесен на носки, плечи чуть приподняты и окаменели, а руки, опущенные вдоль тела, были сжаты в кулаки так, что побелели костяшки. Он не просто стоял в дверях — он был сжатой пружиной, готовой в доли секунды сорваться в атаку.

Его взгляд, обычно такой теплый и братский, теперь был холодным, цепким и оценивающим. Он метнулся от меня к Рику, и в комнате мгновенно изменилось давление. Воздух

стал густым, вязким, словно за мгновение до удара молнии. Гул кулера ноутбука вдруг показался неестественно громким на фоне этой звенящей, хищной тишины. Мой брат и странный парень, желающий дать мне информацию в тесной комнате — как два несовместимых, конфликтующих процесса, запущенных в одном потоке. Система была на грани критического перегрева, и любая искра могла привести к фатальному сбою.

— Я же говорил тебе не впутывать ее, — прорычал Эрик, делая шаг вперед. — Что ты здесь делаешь, Рик?

— Она нашла Ключ, сама, — спокойно, но с ледяным вызовом ответил Рик. — Скрывать от нее правду больше бессмысленно.

— Не морочь ей голову своими техно-сказками! Ты тащишь ее во взрослые дела, в войну, о которой она не просила. Твои догадки о ментальной связи между ней и артефактом — это бред. Ты просто проецируешь на нее свое проклятие, потому что не можешь справиться с ним сам. — Эрик горько усмехнулся.

— Связь реальна, Эрик. Ты это знаешь, — Рик не повышал голоса, но от его слов воздух в комнате стал тяжелым, как свинец. — Она не просто наблюдатель. Она — активный узел. И если мы не расшифруем этот файл первыми, её сотрут.

— Хватит! — мой голос прозвучал звонче, чем я планировала, заставив обоих замолчать. Я шагнула между ними,

чувствуя, как внутри закипает не страх, а холодная ярость. — Я не переменная в вашем уравнении, которую можно перенести из одной части формулы в другую. И я не ребенок, которого нужно запира́ть в комнате, пока взрослые решают судьбу мира.

Я указала на ноутбук.

— У меня есть код. Я собираюсь его взломать. Вы можете либо дать мне недостающие данные, либо убираться из моей комнаты и не мешать. Но я не останусь в неведении.

Эрик посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на боль и бессилие. Он провел рукой по лицу.

— Ты думаешь, это просто файл, Ника? — тихо спросил он. — Ты думаешь, Рик просто так появился в твоей жизни, следил за тобой, знал, где ты? Это не паранойя и не совпадения. Между вами, к сожалению, действительно может быть ментальная связь. Резонанс.

Я нахмурилась, пытаюсь переварить это в рамках своей логики. — Ментальная связь? Звучит как заезженный штамп из третьесортного фэнтези.

— Это не штамп, это обет, — вмешался Рик. Он медленно кивнул, и в глубине его черных зрачков снова вспыхнул тусклый огонь, пробиваясь сквозь тьму. Он сделал шаг вперед, и температура в комнате ощутимо упала. — Эрик прав, хотя и выражается слишком человеческими терминами. Это не просто связь. Это якорь.

Рик остановился возле моего стола, его взгляд был прико-

ван к экрану ноутбука, но говорил он со мной.

— Я ношу этот обет защиты не первый год, Ника. И не первое десятилетие, — его голос стал глуше, в нем зазвучали ноты бесконечной, вековой усталости. — Твоя кровь, что перерождается, хранит ключ к Узлу. И когда-то, очень давно, была дана клятва: защитить носителя этой крови любой ценой. Я — страж этой клятвы.

— Кто ее дал? — тут же спросила я, включая режим допроса. — И при каких обстоятельствах? Ты же не человек, который просто решил стать телохранителем.

Рик слегка покачал головой. В его движениях не было человеческой плавности, только экономная, хищная точность.

— Не спрашивай меня об имени того, кто это решил, или о цене, которая была тогда заплачена. Сейчас это не имеет значения. Со временем многое стерлось из памяти. Я не могу раскрыть тебе то, чего не помню сам, или то, что мне запрещено произносить вслух.

Он поднял на меня взгляд, и в этот момент его глаза стали абсолютно черными, как уголь, в котором давно погас огонь.

— Ты хочешь знать, кто я на самом деле? — спросил он, и в комнате повисла звенящая тишина. — Я не студент с академическим отпуском. Я не герой. Я — проклятая нечисть. Упырь. Навий страж. Назови это так, как тебе будет понятнее. Меня привязали, чтобы я охранял тебя от тех, кто хочет использовать силу Узла. Мое существование — это не жизнь. Это функция. И эта функция активируется только то-

гда, когда система дает сбой. Когда ты в опасности.

Я замерла. Мой мозг, привыкший искать логические нестыковки, лихорадочно перебирал факты: его бледность, отсутствие следов на снегу, неестественная неподвижность, холод, исходящий от него, глаза, меняющие цвет при «перегрузке». Все сходилось. Пазл встал на место с пугающей четкостью.

— Проклятая нечисть, — медленно повторила я, пробуя слова на вкус. — Значит, ты не стареешь. И твоя «связь» со мной — это не романтика, а системный мониторинг. Ты чувствуешь, когда я приближаюсь к истине, потому что я активирую тот самый Узел, который ты охраняешь.

Рик молча кивнул. Медовый оттенок в его глазах вернулся, но теперь он казался не загадочным, а печальным.

— Можно и так сказать. Поэтому ты видишь узоры. Именно поэтому тебе снятся вещи, которые ты не можешь объяснить. Тебе снится твоя прошлая жизнь. Твой дар — это не просто аналитический ум, Ника. Это эхо древней магии, которая течет в твоей крови. И этот код, — он кивнул на ноутбук, — это попытка взломать то, что должно оставаться закрытым.

— А что с твоими глазами? Во время ужина они сохраняли один оттенок, но сейчас, они поменяли цвет несколько раз за короткое время.

— После трансформации мои глаза поменяли цвет на черный, с помощью контроля я могу вернуть свой цвет глаз, но с

каждым десятилетием держать контроль над нечистью внутри все сложнее.

Эрик тяжело вздохнул, прислонившись к косяку двери.

— Вот почему я не хотел, чтобы ты в это ввязывалась. Знание делает тебя мишенью. А связь с ним делает тебя уязвимой для тех, кто умеет читать этот резонанс.

Я перевела взгляд с брата на Рика. Страх, который должен был парализовать меня, испарился, уступив место холодному, ясному азарту. Я больше не была жертвой обстоятельств. Я была администратором этой системы, и кто-то пытался провести несанкционированный доступ.

— Хорошо, — сказала я, садясь за ноутбук и открывая файл «Ключ.txt». — Если я — сервер, а ты, Рик, — антивирус, то давай перестанем притворяться, что мы просто пьем чай на кухне.

Я посмотрела на него поверх экрана.

— Ты сказал, что не можешь вспомнить обстоятельства обета. Но ты чувствуешь этот код? Ты можешь определить, на каком языке или в каком формате написаны эти «узлы»?

Рик подошел ближе, его тень упала на клавиатуру.

— Да, — тихо ответил он. — Это старое наречие, но оно искажено. Кто-то пытается перевести его на современный лад.

— Отлично, — я потянулась к клавиатуре. — Тогда садись. Мы будем работать вместе. Если это мой код, я его расшифрую. А ты будешь моим справочником по «древним

протоколам». И никаких больше секретов. Договорились?

Рик посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. В его черных глазах мелькнуло нечто, похожее на уважение, или, возможно, на облегчение.

— Договорились, — сказал он, и в его голосе впервые за все время прозвучала не угроза, а обещание.

Эрик тяжело выдохнул, и в его взгляде мелькнуло горькое поражение человека, который только что проиграл битву за мою безопасность. Он снова провел рукой по лицу, словно пытаясь физически стереть годы вынужденного молчания, и глухо произнес:

— Ладно. Но если ты взломаешь этот протокол, Ника, чинить последствия придется нам всем, — в его голосе не было злости на Рика за откровенность, только глухая, изматывающая покорность неизбежному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.